

Кабинет.

Янь Лян сидел, подперев голову рукой, и лениво перелистывал исторический трактат. Его взгляд то и дело блуждал, со странным выражением возвращаясь к двум деревянным коробочкам на столе — длинной и круглой.

«Ладно... посмотрю, что там, не убудет от Меня. В конце концов, мальчишка старался».

Сомкнув длинные пальцы, он придвинул обе коробочки к себе.

Поджав бледные губы, Янь Лян первым делом открыл круглую шкатулку.

«Гребень?» — его брови расслабились, и он вынул подарок. В народе говорили, что подарить гребень — всё равно что тайно пообещать связать судьбы на всю жизнь. Учитывая чувства Янь У... что ж, такой подарок не вызывал удивления.

То, что тот его подарил, ещё не значило, что князь обязан его принять.

Янь Лян слегка вскинул подбородок и, убрав вещь обратно, отодвинул шкатулку. Слегка кашлянув, он не спеша открыл длинный футляр.

Внутри покоилась белая нефритовая шпилька, украшенная резьбой в виде лотоса.

«Шпилька?»

В глазах Янь Ляна мелькнул интерес. Он взял украшение, оценивая работу. Добротный нефрит, лотос вырезан как живой, а изумрудная бусина в центре даже оправлена в золото.

— «Кто спугнул чету зимородков? Лишь лотос сочувствует разбитому сердцу», — негромко процитировал он строчку из стиха. — О чем кручинится Янь У? Впрочем, нет.

— Он же неграмотный, откуда ему знать поэзию. Наверняка просто купил, что покрасивее, — Янь Лян невольно рассмеялся, не замечая, сколько нежности и ласки прозвучало в его голосе.

— Подходит к Моему сегодняшнему наряду, пожалуй, её Я оставляю.

Сегодня на Янь Ляне был серебристо-белый халат из узорчатой парчи, плечи которого украшали золотые цепочки с подвесками. Нефритовый пояс стягивал просторные одежды, подчеркивая стройную, чуть узковатую талию.

В этот миг он, рассматривая шпильку, был невыразимо пленителен, хотя сам того не сознавал.

— Что до гребня... — Янь Лян снова глянул на круглую шкатулку. — Выбрасывать жалко. Ладно, сам схожу и верну его Янь У.

Заодно проверит, как тот оправляется от ран. Парень не только глуп, но, кажется, ещё и тронулся умом. Калечить себя из-за кучи мусора... Лекарь сказал, что полосни он чуть глубже, и жизни пришёл бы конец.

Этот ребёнок и так от вечных тренировок стал тугодумом, а если совсем свихнётся — что тогда делать? Пусть Янь Лян богат и влиятелен и без труда найдёт подчинённому жену, но кто по доброй воле пойдёт за безумным глупцом, который только и знает, что драться и убивать?

Янь Лян нахмурился; вспоминая то исступление, в которое впал Янь У, он до сих пор

чувствовал холодок за спиной.

Отныне его и пальцем тронуть нельзя, и голоса повысить. ... Если не будет творить совсем уж непотребств, пусть живёт как знает. Но учителя нанять всё же стоит. Как только раны заживут, позовет в дом наставника, пусть займется его образованием.

Спрятав шпильку, Янь Лян сунул круглую шкатулку в рукав и вышел из кабинета.

Отослав стражников и служанок, он в одиночку направился к дворику Янь У.

Близились сумерки, солнце ещё не зашло за горизонт. Последние лучи золотили каждое дерево в саду, и на тонких ветках уже проглядывали нежные зеленые почки.

Ветер растрепал пряди у лица Янь Ляна. Стоило ему выйти, как кончик носа покраснел от холода, а после нескольких приглушённых приступов кашля румянец разлился и по щекам.

Он достал платок и прикрыл рот и нос; из-под рукава выглядывали тонкие, бледные запястья.

Заметив, что ветер усиливается, Янь Лян прибавил шаг и, войдя во двор, увидел седовласую старуху, что дежурила у дверей, спрятав руки в рукава.

— Приветствую князя.

Старуха, завидев его, поспешно сбежала со ступенек навстречу:

— Позвольте вашей старой служанке поддержать вас.

— Не нужно, — Янь Лян прикрылся платком, защищаясь от ветра, и глянул на дверь комнаты.
— Он спит?

— Господин Сяо У не спит.

— Обед ел?

— Ел.

— Хорошо, — Янь Лян не стал расспрашивать дальше и направился к дому.

— Не нужно ли предупредить? Вдруг господин Сяо У неподобающе одет и оскорбит взор князя?
— Семенила следом старуха.

— Пустое, Я только взгляну и уйду.

Коснувшись деревянной двери, Янь Лян произнес голосом, подобным звону струн циня:

— Ожидай снаружи.

— ...Слушаюсь.

Не зная, как вести себя с тем, кто внутри, Янь Лян затаил дыхание и толкнул дверь, ступая очень тихо.

«Нужно сдерживаться, никаких резких слов. Если Янь У снова с перепугу полоснет себя по горлу, то точно расстанется с жизнью. Если Мне в этой жизни не суждено встретить суженую

и завести семью, придется полагаться на него в старости».

Янь Лян закрыл за собой дверь и, заведя руки за спину, шаг за шагом приблизился к постели.

Янь У не лежал: он сидел, привалившись спиной к стене и закрыв глаза, словно дремал. На нём была всё та же одежда, в которой он приходил к князю, только ворот помялся, а волосы в беспорядке рассыпались по лицу; вид у него был довольно жалкий. Порез на щеке всё ещё алел, а шея была обмотана белой тканью — зрелище, способное вызвать лишь жалость.

Янь Лян бесшумно опустился на край ложа.

«Он, кажется, очень печется о своём лице... Даже Инь Суй, такой придира, запомнил его как красавца».

Черты лица четкие, брови вразлет, высокая переносица... Действительно, красив, вот только никогда не улыбается, да и умом не блещет.

«Пока Я не знал о его чувствах, частенько любил его подразнить».

Он вспомнил, как в прошлый раз, когда Янь У забирал его из весёлого дома, он пригрозил, что по возвращении в поместье собственноручно проучит его линейкой за то, что тот вечно пытается разгадать мысли хозяина. Тогда в этих словах был явный привкус кокетства.

Но теперь он ни за что бы такого не сказал.

Янь Лян наклонился и кончиками пальцев, прохладными от ветра, осторожно убрал растрепанную прядь с лица стража.

Рука князя замерла в воздухе: — ...

Ему показалось? Или ресницы парня только что дрогнули?

Терзаемый сомнениями, он коснулся костяшкой пальца его сухих губ. И верно — ресницы затрепетали ещё сильнее.

Янь Лян понял, что тот притворяется спящим. Он нахмурился, собираясь отдернуть руку, но почувствовал на пальце влажное тепло.

— ... — «Это что... Меня сейчас только что... обесчестили?»

Янь Лян не знал, как описать свои чувства. Он сжал челюсть Янь У и холодно приказал:

— Открой глаза.

Янь У, понимая, что разоблачен, послушно открыл веки. Он смотрел лишь на руку, сжимающую его подбородок, не смея поднять взгляд на господина.

Спустя долгое время он хрипло произнес:

— С чего бы господину приходить?